

Дети войны

Приближается 55 годовщина Победы. Некоторые люди в мире, да и у нас в стране, недовольно морщатся: сколько можно отмечать, ведь это было так давно, больше полвека прошло? Да, давно, но забыть невозможно. Слишком дорогой ценой оплачена наша победа. Помните? Наше поколение знало, что последняя страшная война только в СССР унесла 20 миллионов жизней. Потом эта цифра уточнялась не единожды и сейчас известно, что жертв гораздо больше, около 27 миллионов. С учетом жертв гражданского населения. Но кто считал детей, которые гибли не только на войне, не воюя, а и в оккупации, и в тылу. Кто их регистрировал, эти жертвы? Так что уверена, что цифра 27 миллионов тоже весьма приблизительная. Поэтому в каждую годовщину Победы мы не можем забыть горя и понять утраты детства теми, кто родился перед войной и во время войны. Синдром войны вошел в души малышей и оставил в них глубокий след.

Мне во время войны было мало лет, но хорошо помню сирену воздушной тревоги, každочасный страх погибнуть. Во дворе, в саду, были вырыты окопчики, где прятались люди во время бомбежек, но где гарантия, что до них добежишь?

Жили мы в городе Славянске Сталинской области. Городок небольшой, до войны работали содовый, солевой заводы, кирпичная фабрика да завод силикатов. Что-то похожее на Первоуральск. Большие дома в центре города, на площади большая церковь (в городе их было две, и они работали до, во время и после войны). Война докатилась до нас в начале 1942 года. Хлынули за реку Донец отступающие части Красной Армии, бежал народ пешком за ними от врага. На мосту через реку стоял заслон, который пропустил военных и взорвал мост. Так что население не смогло, за малым исключением, перебраться за реку, а потому вернулось в свои дома. Немцы не сразу заняли город. Вначале они выбросили десант и отрезали людей от реки, потом потнали их обратно. И началось! Каждый день облавы, аресты, расстрелы. Повесили объявления: зарегистрироваться всем коммунистам и комсомольцам. Городок небольшой, друг другу известно, кто есть кто. Потом вывозили людей машинами в Бабий Яр и расстреливали. Так погибла моя тетя, которая была депутатом городского совета.

Оставшуюся молодежь потружили в вагонах и повезли в рабство в Германию. На площади, перед церковью, казнили партизан и патриотов. А в церкви шли службы, где батюшка взывал к терпению и молил о победе. Немцы почти не заходили в церковь, но службы разрешили. Но что знаменательно, в подвале церкви прикожные спасли раненых красноармейцев. И никто не выдал. Восхище, предатели были, но не так уж и много. Вначале немецкие офицеры занимали хорошие дома, в мазанки селились только вроде "нашего" немца — повара. Этот повар варил пищу на соседнем дворе для роты солдат. Он очень меня жалел и говорил, что дома у него тоже 2 «книдера» остались. Был мобилизован насильно, за отказ идти в армию у них запросто могли расстрелять всю семью. Не все немцы зверствовали. В основном, гестапо да полиция, а солдаты население не трогали. Но жертв в городе было много. Людей гоняли на передовую рыть окопы, заставляли работать, иначе не давали карточки на хлеб. На меня мама получала 300 граммов хлеба и только потому, что я болела. Дополнительный паек на меня давали в виде похлебки, но ее я ни разу не попробовала, потому что мама ходила за пайком мимо госпиталя для пленных русских, и этот паек уходил туда. От обстрелов всей семьей прятались под кровати. А днем помогали "нашему"

немцу-повару на кухне чистить картошку. Очистки отдавали нам. Взрослые чистили картошку, а я раздвала вареную свеклу пленным, которые рыли окопы в саду, чтобы туда прятались солдаты, если во время обеда их настигнет обстрел. Потом дом, где стояла полевая кухня, разбомбил наш самолет (ночью, с "кукурузника", летчик попал прямо в печную трубу дома). Кухня отправилась на фронт, а к нам поселили офицера (из студентов, призванных в армию из институтов). Мама рассказывала с подачи Ганса, что якобы за слачу Сталинграда командующему Жукову немцы предлагали большие деньги. Прожил у нас Ганс недолго, поехал на фронт под Сталинград. А потом вскоре наши потнали немцев на запад. Как они бежали! Всю амуницию побросали, в общем, в большой панике бежали. Когда наши пришли, мы, дети, больше всех радовались. Можно было не бояться выходить на улицу, побегать. Конечно, было голодно и холодно, но ведь свои пришли, это же какая радость была — никто тебя не пнет и не застрелит за просто так.

Вот так отрывочно помню я войну. Сколько за войну погибло детей в нашем городе, мне неизвестно. Но вот памятник гражданскому населению, погибшему в войне с фашизмом, видела своими глазами. Нигде такого памятника не видела, а вот в Славянске стоит. Так вот, смею утверждать, что самое пострадавшее население нашей страны — дети. Посмотрите: сколько семей осталось без отцов, без кормильцев, и что? Кто о них вспомнил за 55 лет после Победы? У счастливыхчиков вернулись с фронтов отцы — раненые, но живые. Они и зажили получше сирот, и судьбы у них сложились удачнее. А сироты? Была одна мать одна, по 2 смены работала, а все равно все проголололо, обувки на троих одна пара. Да что там, я "девочки" туфли в первый раз одела в 16 лет. Парусиновые. Надраю их ваксой — и на танцы! Зато все лето проводили в очередях за хлебом.

В жизнь шагали сами, хотелось скорее помочь матери, заработать, поэтому специальности особенно и не выбирали, а шли туда работать, куда брали. И знали, что так надо. И это «надо» настолько вошло в наше поколение, что оно довлеет над нами до сих пор. Раз надо — мы готовы! Несмотря на тяжелейшее отнятое детство, на трудовую добросовестную жизнь и невеселую старость.

Вождю должно участникам Великой Отечественной, узникам концлагерей, блокадникам Ленинграда, репрессированным. А вот дети войны не учтены нигде, ни в одном законе не замечены и не отмечены. То ли много еще нас осталось, то ли никому на эту проблему, то ли руки не доходят до государства. Говорят, что и так много льготников развелось, бюджета на всех не хватает. 3-я Госдума собирается рассматривать новый закон о пенсиях. Не там ли место этой проблеме?

А детство, оно было, конечно, и у нас. Были свои маленькие детские радости и печали. Радость: дали довесок хлеба за просто так, за то, что постоял в очереди. Печаль: скоро в школу, а обувки нет и мама ломает голову, во что обути перво-класску. Нет тетрадей, книг, чернил — а в школу все равно надо посылать. Зато летом хорошо! Чуть появилась зелень — наши "пестики", "калачики", "заячья капуста". Обувки не надо — босиком легче бегать. Из одежды — трусики-треугольнички, вот и вся экипировка до осени. Золотое детство не было золотым. Юность и зрелость требовали труда и порядочности в жизни, "золотая осень" тоже не очень золотой оказалась. И все же Победа была, есть и будет огромным праздником, спасением от рабства, а, может быть, и от гибели.

В. ПОВОА